

Свобода и конституция.

к.б.н. Андрей Полеев

Испокон веков известно, что дураков и злоумышленников нельзя подпускать к любой профессиональной и руководящей деятельности ближе чем на пушечный выстрел. Но вопреки этому правилу, дураки теперь устанавливают правила, заседаая в демократических собраниях, т.е. в собраниях дураков, а самые рьяные из них дорвались до пультов управления ядерным оружием и до президиумов академий наук, причём эти дураки не притворные, а самые что ни на есть настоящие, ведь если бы были притворные, то не стали бы так откровенно заявлять о своей глупости, как они это делают теперь, не опасаясь, что их освистают и забросают обьедками зрители, а не опасаются они потому, что их публика состоит из таких же дураков, как они сами. Что касается злоумышленников, то они теперь не хитрят и прячутся, чтобы действовать исподтишка, а вредят открыто и где только могут, ведь повсюду дураки, которые не отличают вреда от пользы, и поэтому принимают злоумышленников за добродетелей. Но даже сами злоумышленники уже принимают себя за добродетелей, ведь для них зло — это добро, а добро — зло, так что злоумышляя они пекутся о добре, а злодействуя — добродетельствуют.

И прежде чем дорваться до высот добродетельности, будущие добродетели начинают с малого, учась у мастеров добродетельности и добродействуя так, как научились у них. Вовлечение в добродетельность начинается с детсада, продолжается в школах, а заканчивается уже на фронте, потому что рано и бессмысленно умереть считается

добродетелью, а вовсе не слабоумием и позором. Их добродетельные родители конечно же поплачут о преждевременной смерти их чад, благославляя при этом верховных добродетелей, пославших их добродетельствовать. А коли добродетельствовались дети, то и самим уже пора туда же, ведь зачем долго жить, это вовсе недобродетельно по отношению к добродетелям, и кроме того, чем раньше добродетельствуешь, тем раньше попадёшь туда, где все добродетели неразлучно воссоединяются в одну большую семью. Хотя это место вовсе не рай, как они себе представляют, а его противоположность.

Глядя на нынешних [Сидельниковых](#), [Курносовых](#), [Пономарёвых](#) и им подобных, понимаешь, как они безнадежно отстали от настоящего, и что к будущему они не имеют никакого отношения. У этих людей большая дыра в голове от недостатка образования и знаний, и заполнить её уже невозможно. Это как родовая травма, неисправимая на протяжении всей последующей жизни: Если человек родился калечным, то он и помрёт калекой, и это никак не исправить. Но эти люди претендуют на то, чтобы всех сделать калеками по своему образу и подобию, выплеснуть собственную калечность в массы и всех покалечить вокруг себя. Калеки также опасны как дураки и злоумышленники, потому что их травмы, будь то родовые или послеродовые, они будут носить с собой всю жизнь, и эта жизнь не будет здоровой и счастливой. Поэтому и осчастливить они никого неспособны, как бы они не старались, буйствуя на избранном им поприще в качестве борцов с авторитаризмом. Все эти самозанятые крикуны и деятели утратили всякое представление о норме и праве, подменив их произволом и ненормальностью, в историческом угаре не

замечая и не понимая единственное, что достойно стремления и деяния — и это отнюдь не то, чего желают и что делают они.

„Итак, рабство бывает двух видов: рабство души и рабство тела. Так вот, над телом господствуют люди, а над душой властвуют зло и страсти. Таким же образом мы можем говорить и о свободе. Ибо один вид свободы даёт бесстрашие телу перед любыми опасностями, которые могут исходить от людей с ещё более сильным телом; а другой даёт мир уму, сдерживая власть страстей. О первом виде почти никто не задаётся вопросом, ибо из-за превратностей судьбы часто случается так, что люди высшей добродетели попадают в неожиданные несчастья, и таким образом теряют свободу, которая принадлежала им по праву рождения. Но есть место для исследования нравов тех, которых ни желания, ни страхи, ни удовольствия, ни боли никогда не приводили под ярмо. Поэтому, отбросив все упоминания о тех видах свободы, которые являются лишь притворством, а также все те названия, которые совершенно не связаны с природой, но обязаны своим существованием только мнению, как, например, рабы, рождённые в доме, рабы, купленные за деньги, рабы, захваченные на войне, давайте теперь исследуем характер человека, который действительно свободен, который один обладает независимостью, даже если десять тысяч человек объявят себя его хозяевами. Ибо он процитирует строку Софокла, которая ничем не отличается от доктрин пифагорейцев: "Бог — мой правитель. Бог — мой властитель, и никто из смертных.“ Ибо, по правде говоря, **только тот человек свободен, кто имеет Бога своим руководителем**; более того, по моему мнению, этот человек даже является правителем всех остальных и

ему подчинены все дела земли, он как бы является наместником великого короля, смертным лейтенантом бессмертного государя.“

Но это ещё не всё, что касается единства желания и деяния.

„Как среди городов, одни, управляемые олигархами или тиранами, пребывают в рабстве, имея тех, кто покорил их и сделал себя их хозяевами, суровыми и жестокими тиранами; другие же, существующие под надзором законов и под покровительством этих добрых защитников, свободны и счастливы. Так и в случае с людьми: те, кто находится под властью гнева, или аппетита, или любой другой страсти, или коварной злобы, являются во всех отношениях рабами; а те, кто живёт в соответствии с законом, свободны. Но непреложный закон — это правый разум; не постановление, принятое тем или иным смертным, не тленный и бренный закон, не безжизненный закон, написанный на безжизненном пергаменте или выгравированный на безжизненных колоннах, — но нетленный, отпечатанный бессмертной природой на бессмертном разуме.“

Вместо того, чтобы буйствовать и своевольничать, единственное, что необходимо было сделать после опубликования Конституции общности Русь в 2013 году, это напечатать и раздать её людям, чтобы её текст запечатлелся в их памяти и вследствие этого прекратился нескончаемый и беспорядочный блуд в их головах, уступив место порядку.